

оппозиционно, однако, не порывали еще окончательно с лагерем короля, пытались давать ему советы в надежде на возможное его «исправление».

Królu, wydaż nam winnych, a sam się porprawuj,
A po drugi raz zgrzeszyć się wagać,¹

воскликает один из таких авторов-рокошан. Другие были настроены более непримиримо и в своих обличениях Сигизмунда III постарались использовать мотивы как общеполитического характера, так и касающиеся его частной жизни. Уже в одном цитированном выше диалоге его упрекали в попытках опереться на «жадных» иезуитов, делались намеки на «влиятельных» женщин при его дворе.² Теперь эти упреки были как бы сведены в одно целое в нескольких остро-сатирических произведениях. Короля упрекали в несправедливой раздаче староств, в невнимательном отношении к государственным делам, в силу которого были утрачены целые территории. Как известно, по мнению рокошан, он был всецело австрийским ставленником:

Nieszczęsny Panie,
W tym twoim stanie
Do czego przyżło,
Że już zawisło
To tu królestwo
I wielkie księstwo
Na złych praktykach,
Rakuskich sztukach.³

В эту систему обвинений неизбежно включались его приближенные, как это было уже в ряде созданных рокошанами элегий и диалогов. Так и в «анти-королевских» стихах снова неизбежно выступает Мышковский, разбогатевший за счет «ограбленного» Радзивилла.⁴ На ряду с ним выступает познанский воевода Гостомский, о котором говорится:

Co jest niecnóć na świecie, to się w onem ciele
Nie pochybnie, możesz to rzec śmieie.⁵

Тут же выводятся Bobola и др., известные и по другим произведениям рокошан. Эти резкие выступления против приближенных короля, несомненно, послужили источником для тех сатирических произведений барских конфе-

¹ Czubek, op. cit., стр. 361.

² Ibid., стр. 38.

³ Ibid., стр. 46.

⁴ Ibid., стр. 45.

⁵ Ibid., стр. 361.